

Введение

Мартина Фишер,
Норберт Роперс

www.berghof-handbook.net

Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution • Crisis Prevention •
Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian Assistance • Just Peace •
Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies • Peacekeeping • Peacemaking •
Post Conflict Rehabilitation • Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution
• Crisis Prevention • Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian
Assistance • Just Peace • Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies •
Peacekeeping • Peacemaking • Post Conflict Rehabilitation • Civil Society • Conflict
Settlement • Conflict Resolution • Crisis Prevention • Development Cooperation •
Human Rights • Humanitarian Assistance • Just Peace • Multi-Track • Peacebuilding
• Peace Constituencies • Peacekeeping • Peacemaking • Post Conflict Rehabilitation
• Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution • Crisis Prevention •
Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian Assistance • Just Peace •
Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies • Peacekeeping • Peacemaking •
Post Conflict Rehabilitation • Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution
• Crisis Prevention • Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian
Assistance • Just Peace • Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies •

Введение

Мартина Фишер, Норберт Роперс

Число и масштабы разразившихся после Второй мировой войны вооруженных конфликтов свели на нет надежду человечества на то, что в начале XXI в. мы сделаем новый шаг к их разрешению мирным путем. Похоже, что из-за борьбы за новый мировой порядок между исповедуемой США идеологией однополярности мира и попытками сохранить достигнутые в последние десятилетия успехи идеологии многополярности, вновь актуальной становится проблема межгосударственных конфликтов. Тем не менее большинство современных вооруженных конфликтов составляют конфликты внутригосударственные и, скорее всего, они останутся таковыми в будущем. Эти конфликты связаны, как правило, с гражданскими войнами или с процессами государственнообразования. Суть их кроется или в попытке различных группировок в стране установить контроль над правительством, или в выступлении правительства против той или иной этнополитической группировки. Стороны борются за политическую власть, за гражданские права, за культурную идентичность, за экономические выгоды или природные ресурсы. Одни войны представляют результат упадка или развала государства, другие преследуют цель формирования новых государств. Нередко они затрагивают все общество или регион в целом и продолжаются длительное время.

Если разрешение межгосударственных конфликтов и их осмысление составляют, в основном, задачу существующей системы международных институтов, то необходимость сконцентрироваться на внутригосударственных конфликтах привела к появлению новых видов деятельности и институтов, породила новые дебаты и даже новую терминологию в сфере реагирования на конфликты. К этой области относится и “Настольная книга” Бергхофского центра.

Пока еще неясно, насколько прочно данная область исследований с ее теоретическими изысканиями и практикой войдет в систему наук, но тем не менее очевидно, что многие институты и организации, разрабатывающие политику и осуществляющие программы развития, действующие в сфере гуманитарной помощи, прав человека, дипломатии и построения мира сейчас принимают активное участие в решении внутригосударственных конфликтов. Они отдают этому много времени и сил, вкладывают человеческие и финансовые ресурсы, и многие из них уже институализировали или готовятся институализировать свою деятельность в этой области.

Ряд ученых и практиков утверждают, во-первых, что попытки решить межгосударственные конфликты должны базироваться на одинаковом понимании всеми участниками глубинных причин, лежащих в основе этих конфликтов. Во-вторых, что необходимо иметь всеобъемлющий план, который, помимо цели прекращения конфликта, включал бы также и действия, направленные на ликвидацию его последствий, т.е. на реабилитацию, восстановление, примирение бывших противников, развитие и формирование государственной структуры. В-третьих, общепризнано, что такой многомерный подход, направленный как на анализ глубинных причин конфликта, так и на искоренение последствий многолетнего насилия и враждебности в обществе, должен быть реализован на нескольких уровнях сотрудничества: международном, государственном, региональном и местном и вовлекать в качестве участников такой “многоуровневой” деятельности не только государственных акторов, но и рядовых людей.

Реализовать такой всесторонний подход, безусловно, непросто. Более того, каждый конфликт в чем-то уникален, и то, что “работало” в одной ситуации, не подойдет для другой. Мы глубоко убеждены, что для лучшего понимания того, как следует справляться с внутригосударственными конфликтами, чрезвычайно важен обмен знаниями и опытом. Мы, как и многие наши коллеги, полагаем, что

пришло время провести анализ эмпирического и теоретического опыта, накопившегося в области трансформации конфликта. В последние годы издаются различные руководства и специализированные справочники по разрешению конфликтов, вмешательству третьих сторон и построению мира.

“Настольная книга” предлагает в данном случае обзор центральных тем, изучаемых в сфере трансформации конфликта, а также теоретических и практических достижений последних лет. Мы полагаем, что такое сочетание материала поможет усовершенствовать практическую деятельность по разрешению конфликтов, сделав ее более информированной, всесторонней и эффективной. Наш обзор не просто суммирует имеющиеся знания по известной дисциплине. Наряду с анализом устойчивых практик и концепций, нами предпринимается попытка привлечь внимание к спорным вопросам и нерешенным проблемам. Бергхофская “Настольная книга” по трансформации конфликтов – это не сборник рецептов или готовых инструкций. Наша задача – рассмотреть общепринятые практики в широком концептуальном контексте и таким образом лучше разобраться в особенностях их функционирования.

Цель книги – дать практикам и исследователям общее представление о существующих в настоящее время теориях, подходах и методах, применяемых в трансформации конфликта. Другими словами, мы представляем описание состояния данной области на сегодняшний день, а также размышляем о достоинствах и недостатках используемых подходов. Наряду с этим было необходимо осветить спорные моменты, с которыми сталкиваются люди и организации, работающие непосредственно в условиях конфликтов или над их урегулированием. Мы хотели бы также стимулировать разработку более цельных и теоретически грамотных понятий, в которых нашли бы отражение сложности данной сферы и которые способствовали бы появлению эффективных и рациональных стратегий трансформации.

В книге, таким образом,

- представлено систематическое описание проблем трансформации конфликта, сводятся воедино относящиеся к ней понятия, методы, стратегии и инструменты;
- анализируются современные дискуссии о теоретической базе для того, чтобы представить как общую картину, так и восполнить недостаток теории в данной дисциплине;
- в проблемах поддержания и построения мира рассматриваются способы нахождения баланса между подходами, ориентированными на структуру, и подходами, ориентированными на процесс;
- исследуются роли, которые играют в построении мира международные правительственные организации (МПО), национальные правительства, агентства по развитию, неправительственные организации (НПО) и другие участники гражданского общества;
- обсуждаются стратегии координации работы и сотрудничества между участниками;
- осмысливаются уроки прошлого, лучшие практические решения, а также трудности оценки результатов деятельности по трансформации конфликтов.

Изложение столь разноплановой информации – непростая задача. Одна из самых трудноразрешимых проблем в нашей области – это слабая связь между практикой, исследованиями и теорией. Во многих областях трансформации конфликта наблюдается растущий интерес к концептуализации и систематизации имеющихся знаний, к выявлению наиболее удачных практических опытов и инновационных идей. Однако предпринимается мало попыток разработки точной теорети-

ческой парадигмы и моделей контекстуализации конкретных практических микровмешательств с точки зрения их последствий на макросоциальном и политическом уровне. Помимо отсутствия общей теоретической базы, в трансформации конфликтов формулировка частных стратегий для решения конкретных задач зачастую ограничивается советом “чем больше, тем лучше”. Поэтому в наших интересах способствовать усилению связи между практикой, систематическим анализом, исследованиями и теорией.

Для определения нашей дисциплины и соответствующих направлений деятельности используется несколько терминов: урегулирование конфликта, разрешение конфликта, трансформация конфликта, предотвращение конфликта, построение мира и т.д. На наш взгляд, термин “*трансформация конфликта*” наиболее полно охватывает действия, цель которых повлиять на межгрупповые конфликты и установить прочный мир и социальную справедливость. Такое понимание включает ориентированные на структуру и на процесс действия по предотвращению кризиса, урегулированию и разрешению конфликта; стратегии по усилению полномочий различных групп и построению общин; усилия, направленные на реабилитацию, восстановление и примирение в послевоенное время.

За последние десять лет понятие “*предотвращение конфликта*” стало очень популярным в дискурсе по проблемам мира и международных отношений, а также у международных организаций. Обсуждению различных подходов к предотвращению вооруженных конфликтов и имеющихся для этого средств посвящены многие книги и статьи. На основе обобщенного понятия о динамике вооруженного конфликта и в соответствии с представлением о трех стадиях вооруженного конфликта, требующих различных подходов и действий, выработалась динамичная концепция предотвращения конфликтов:

1. *Раннее предотвращение*, цель которого – предотвратить зарождающийся вооруженный конфликт;
2. *Предупреждение в последний момент*, цель которого – предотвратить горизонтальную или вертикальную эскалацию уже существующего вооруженного конфликта;
3. *Постконфликтные действия*, цель которых – предотвратить новые вспышки насилия после перемирия и заключения мирного договора.

Понятие “трансформация конфликта” еще не привлекало такого большого внимания. Тем не менее мы убеждены, что усилия по предотвращению конфликта увенчаются успехом только в том случае, если их неотъемлемой частью и неким предварительным условием будет трансформация конфликта. Участники конфликта – как отдельные люди, так и группы – должны получить возможность конструктивно разобраться в причинах конфликта и разработать стратегии по искоренению или преодолению этих причин.

В нашем понимании трансформация конфликта – это общее, всеобъемлющее понятие, включающее действия, направленные на изменение различных характеристик и проявлений конфликта путем воздействия на его глубинные причины с целью преобразования негативных способов влияния на конфликт в позитивные и конструктивные. Говоря о “трансформации конфликта”, акцент делается на его структурные, поведенческие и психологические аспекты; это понятие охватывает и процесс, и структуру действий, направленных на достижение справедливого мира. Понятие “трансформация конфликта” зародилось в ответ на необходимость борьбы с прототипом межгосударственного конфликта – так называемым затяжным социальным конфликтом. Впервые этот термин был введен Э. Азаром в конце 1970-х годов, и сейчас он широко используется для описания затяжных этнополити-

ческих конфликтов, имеющих общие характеристики. С точки зрения Э. Азара, его ключевые характеристики состоят в следующем:

- Конфликт происходит между группами с различной идентичностью, когда хотя бы одна из этих групп ощущает, что ее потребности в равенстве, безопасности и участии в политике не удовлетворены.
- Истинный предмет конфликта – доступ к власти, исходящей от государства, часто ассиметричный относительно правительства и недовольной стороны.
- Конфликт не может быть понят без учета явлений международного характера (культурно близкие государства, диаспоры, иностранное вмешательство), которые оказывают влияние на ход событий.
- Зачастую конфликты представляют собой следствие антагонизма групп, имеющего давние исторические корни.

Такое понимание затяжных социальных конфликтов требует для их трансформации воздействия по всем четырем названным направлениям. Необходимо признать законность требований этнических меньшинств в многоэтнических политических системах. Нужны широкие концепции разделения власти и реформы государства, и надо адекватно оценивать роль международного сообщества и международных акторов, а также быть готовым к примирению с жестоким и болезненным прошлым. Трансформация необходима также и потому, что, как показывает опыт, длительные кровавые конфликты не только отнимают человеческие жизни, разрушают инфраструктуру, лишают людей средств к существованию, но и подрывают социальный капитал общества в целом. Следовательно, трансформация включает гуманитарную помощь, реабилитацию, переход на гражданское положение, восстановление, а также улучшение гуманитарной ситуации и работу по примирению.

Именно широта и всесторонний характер концепции трансформации конфликта сделали ее центральной темой данной “Настольной книги”.

Ее структура соответствует различным аспектам трансформации конфликта. Первая часть посвящена соотношению понятия трансформации конфликта с другими основополагающими понятиями, такими, как урегулирование конфликта и его разрешение. В ней рассматриваются проблемы, имеющие отношение ко всем этим концепциям, и представляется описание основных параметров вмешательства в конфликты.

“Настольная книга” открывается работой *Дитера Зенгхааса*, посвященной теоретическим вопросам цивилизации конфликта, где рассматривается понятие “каузальный”, или “конструктивный” пацифизм как ведущее в трансформации конфликта понятие. Если гражданская или межгосударственная война представляет результат анархии, то исправить это может лишь социальный порядок, ведущий к прочному миру. Строить такой порядок следует на государственном, региональном и международном уровнях. Автор разрабатывает свою модель построения мира (“цивилизационный шестиугольник”). Шесть его компонентов (1. монополия государства на применение силы; 2. верховенство закона; 3. демократическое участие народа в управлении; 4. конструктивное урегулирование конфликтов; 5. социальная справедливость и равенство; 6. взаимозависимость и контроль воздействия) – это основа для цивилизации конфликтов в потенциально склонной к насилию политической, социально-экономической и социально-культурной среде. Автор утверждает, что “каузальный пацифизм” закладывает подходящую основу для того, чтобы “думать о мире” и “строить мир” и должен вдохновлять на решение текущих задач. Руководящим принципом могло бы стать зародившееся в начале XX в. и вновь приобретшее актуальность в наши дни утверждение о том, что критерий мира – это сам мир.

Кордула Райманн предлагает общий обзор последних достижений в области урегулирования конфликтов и предпринимает попытку их анализа. Она, с одной стороны, рассматривает стоящие на повестке дня вопросы и результаты полевых исследований, с другой – анализирует значение теории и методологии исследования. Автор говорит о трех различных подходах: урегулировании конфликта, разрешении конфликта и трансформации конфликта. Один из важнейших выводов К. Райман состоит в том, что понятия “разрешение конфликта” и “урегулирование конфликта” не отражают сложности большинства затяжных, трудноразрешимых внутригосударственных конфликтов. Поэтому необходимо синтетически объединить теоретические подходы и интегрировать их с конкретными стратегиями и акторами. Анализ роли теории и методов исследования в нашей дисциплине, проведенный К. Райман, объясняет, для чего и в какой степени необходимо говорить о теории в терминах онтологии (науки об изучаемом предмете) и эпистемологии (науки о методах изучения).

Хью Майалл выделяет ведущих теоретиков и практические направления в трансформации конфликта, а также предпринимает попытки отделить последние от теории и практик разрешения и урегулирования конфликта. Одновременно он утверждает, что трансформация конфликта во многом опирается на эти более ранние учения. Автор приходит к выводу, что дальнейшее развитие теории и практики неизбежно, поскольку природа современного конфликта продолжает меняться. Как истоки, так и последствия локальных вооруженных конфликтов теперь зачастую имеют мировой характер, растет также степень глобализации как самого конфликта, так и вмешательства в него. Х. Майалл утверждает, что предметом анализа должен стать не “конфликт”, а “конфликт-в-контексте”, не только общество, в котором он происходит, но и среда глобального или регионального масштаба. Это ставит новые культурологические задачи для теорий и практик (в которых все еще преобладают западные взгляды), а также этические задачи для тех, кто пытается применять ненасильственные методы в обстановке, где широко распространено использование силы.

Дайана Фрэнсис подчеркивает, что трансформация конфликта неизбежно предполагает решение проблем асимметрии власти, гендерного неравенства и культурных различий. Эти категории тесно связаны между собой, и их обязательно следует учитывать при вмешательстве в конфликт, особенно внешним акторам. Автор утверждает, что глобальная всепроникающая культура доминирования создает основание для притеснения и эксплуатации, в том числе – женщин мужчинами и стран Южного полушария – странами Запада. Асимметрия власти, возникшая в результате колониализма, “зарядила” культурные различия взрывной силой, что сильно усложнило задачу по ее устранению. Гендер – это культурный конструкт. Притеснение женщин часто оправдывают, ссылаясь на культуру или утверждая, что эмансипация женщин – это западная идея. Тем не менее следует исправлять деспотические гендерные отношения, а также анализировать те специфические гендерные роли и образы, которые поддерживают конфликты. Д. Фрэнсис утверждает, что эмансипация женщин и маргинальных групп вообще вызвана фундаментальным сдвигом в культуре, который подразумевает трансформация конфликта, и одновременно стимулируют этот сдвиг. Те, кто вмешивается в конфликт в целях реформирования гендерных отношений, должны четко формулировать свои ценности и цели и исповедовать их в собственных организациях.

Во второй части книги рассматриваются инструментарии анализа и прогнозирования конфликтов и освещаются современные дебаты по оценке последствий вмешательства в конфликт.

Дэн Смит дает обзор исследований, посвященных причинам вооруженных конфликтов в конце XX – начале XXI в. Особое внимание уделено выявлению при анализе конфликта признаков потенциальной эскалации, а также поиску возможностей предотвращения вооруженной эскалации. Далее автор характеризует современное состояние теории в этой области, затем описывает методологию, переходя от теории к прикладному подходу в изучении и анализе вооруженного конфликта. Подчеркивается значение взаимодействия причин “первого плана” и “фоновых” причин. При объяснении причин вооруженных конфликтов ключевыми понятиями выступают “несправедливость” и “мобилизация”. В качестве примера автор приводит распад бывшей Югославии, когда для политической мобилизации была использована воспринимаемая гражданами несправедливость и проблема идентичности.

Алекс Остин знакомит читателя с деятельностью по раннему предупреждению конфликта. Он подробно рассматривает вопросы о том, могут ли системы раннего предупреждения: а) определить причины конфликта; б) предсказать его начало и в) смягчить конфликт. Автор утверждает, что повышение точности существующих моделей не принесет пользы, если система раннего предупреждения не сможет смягчить конфликт. В статье описывается современное состояние проблемы раннего предупреждения конфликта, в ней выделяются области особого интереса, а также характерные методологии и механизмы. В заключение А. Остин сводит эти механизмы в единую модель и определяет основные задачи, возникающие при переходе от раннего предупреждения к раннему реагированию.

Таня Паффенхольц излагает теоретические принципы и освещает опыт разработки стратегий вмешательства и оценки их успешности. В статье рассматриваются проблемы, возникающие при решении вопроса, кто и при помощи каких стратегий и инструментов может вмешиваться в конфликт, в какой момент и на какой стадии. Опираясь на собственный опыт, автор формулирует 10 пунктов, которые следует учитывать при разработке плана вмешательства. Необходимы: 1) видение ситуации, четкое формулирование целей и решимость; 2) методы анализа конфликта и изучения его участников; 3) стратегия вмешательства и распределение задач между участниками; 4) постоянный поиск подходящих партнеров и “точек входа”; 5) расчет времени и возможных вариантов ухода вмешивающейся стороны; 6) осмысление происходящих процессов и построение необходимых структур; 7) критерии для отбора полевых сотрудников; 8) координация и сотрудничество; 9) включение долгосрочности результатов в список целей; 10) интегрирование обучения в процесс вмешательства. Эти аспекты рассматриваются в контексте присутствия НПО в конфликте. В заключение автор поднимает вопрос о сложности создания механизмов управления информацией в рамках программ и организаций.

Марк Хоффман предлагает читателям обзор современных идей по оценке последствий конфликта и миротворческой деятельности, анализируя методики этой оценки с трех точек зрения: традиционной оценки доноров, методов оценки в процессе работы по развитию и оценки работы НПО, занятых разрешением конфликта и построением мира. Выделив основные практические результаты из этих методик, автор определяет нерешенные вопросы, проблемы и перспективы. Сложности касаются в основном использования общих или особых индикаторов, соотношения разных типов оценки, контекстуализации и, наконец, взаимосвязи разных секторов.

Мэри Андерсон рассматривает вопрос, каким образом международные агентства, осуществляющие деятельность по предоставлению гуманитарной помощи

и/или поддержанию мирных процессов, могут оценивать ее последствия. В ее статье речь идет о совместных усилиях, предпринимаемых внешними агентствами, для получения большей информации о воздействии их работы на конфликт в тех обществах, где они действуют. Первая часть статьи посвящена проекту “Местный потенциал мира” (МПМ), вторая – обсуждению недавних исследований в рамках проекта “Анализ практики мира” (АПМ), координатором которого выступали возглавляемая М. Андерсон организация “Сотрудничество для развития” (Collaborative for Development Action – CDA) и Шведский институт жизни и мира (Swedish Life & Peace Institute). С точки зрения М. Андерсон, при попытках проследить и оценить эффективность вмешательства в конфликт приходится решать две основные проблемы: во-первых, необходимо выработать критерии или показатели, а также формы и средства для оценивания прогресса (причем такие, которые имели бы отношение к цели трансформации конфликта); во-вторых, определить взаимосвязь причин и следствий. Как можно проследить при огромном количестве происходящих в непростой обстановке событий, какие именно действия привели к тем или иным конкретным результатам? В заключение автор делает четкий вывод: сотрудникам миссий гуманитарной помощи и людям, реализующим программы сохранения мира, недостаточно просто “не навредить” – им непременно следует сделать неотъемлемой частью своей деятельности оценку воздействия этой работы на соответствующее общество. Благодаря знаниям, аккумулированным за годы работы, они смогут повысить ее эффективность и помочь людям построить справедливое общество, способное решать свои проблемы без применения силы.

В третьей части книги речь идет о действиях, направленных на расширение возможностей для урегулирования конфликта и вмешательства в него на межличностном и межгрупповом уровнях. Эта часть посвящена психологическому аспекту трансформации конфликта, а также вопросу обогащения индивидуального и коллективного опыта.

Рон Крейбилл описывает важнейшие умения и инструментарию, необходимые для фасилитаторов, работающих над повышением возможностей индивидуального и межличностного уровня для трансформации межгрупповых конфликтов. Автор исследует вопрос о том, за счет чего данные умения и инструменты коммуникации могут способствовать трансформации конфликта. Далее он рассматривает три категории инструментов фасилитации: умения, применяемые в отдельных ситуациях взаимодействия со сторонами конфликта; методы длительного диалога; принципы работы с более крупными институтами и структурами, вовлеченными в конфликт. Р. Крейбилл приходит к выводу, что приемы и методы во всех трех категориях должны быть направлены на достижение двоякой цели трансформации – расширение собственных возможностей индивида и построение отношений с другими.

Фридрих Гласл и *Руди Бальрайх* рассматривают подходы к трансформации конфликта, используемые в группах и организациях. Авторы выделяют пять уровней сотрудничества в рабочих группах – отдельных членов, содержания, взаимодействия, процедурный и уровень связи группы с ее внешним окружением. Ф. Гласл и Р. Бальрайх предлагают подходы к решению конфликта в группах на всех этих ступенях, заостряя внимание на переосмыслении ролей отдельных личностей и принятия решений в коллективе, а также на важности точного определения уровня развития коллектива. По мнению авторов, если у коллектива будет понимание потенциальной опасности возникновения конфликта, а также знание путей их урегулирования, то он сможет распознать конфликт на начальной стадии и конструктивно подойти к его решению.

Норберт Роперс убежден в том, что диалог можно рассматривать как классический способ конструктивного разрешения конфликта – ведь, согласно известному высказыванию: “Пока ты говоришь, ты не будешь стрелять”. В области классической дипломатии искусство переговоров и диалога уже давно стало неотъемлемой частью рационального регулирования международных отношений. Однако в официальной дипломатии искусство диалога зачастую отесняется на задний план под давлением силовой политики. Представители неофициальной дипломатии второго уровня, напротив, во главу угла ставят коммуникацию, личные встречи и взаимопонимание. В настоящее время разрабатывается огромное количество проектов по налаживанию диалога, цель которых способствовать урегулированию или разрешению вооруженных конфликтов или конфликтов, чреватых насилием, которые имеют место преимущественно внутри государств в определенных этнополитических условиях. Многие из этих проектов представляют собой вмешательство третьих сторон и поэтому руководство ими осуществляется внешними участниками. Н. Роперс предлагает обзор идеальных моделей диалога и определяет основные элементы большинства диалогов. Он предпринимает попытку выработать критерии успеха, рассматривая диалог с точки зрения различных подходов к урегулированию конфликта. Автор приходит к выводу, что главным концептуальным вкладом проекта по установлению диалога в образовании объединений сторонников мира является создание основанной на диалоге культуры диспута, которая впоследствии становится основной парадигмой политической культуры.

Авторы четвертой части книги концентрируют свое внимание на необходимости структурных преобразований, построении институтов, и сдерживании насилия как неперемennого условия трансформации конфликта и построения мира. Они описывают основные подходы, которыми руководствуются участники со стороны государства и гражданского общества.

Гюнтер Бехлер рассматривает важность государственной реформы для проведения преобразований в странах, пострадавших от войны. Он подчеркивает, что государственная реформа – это обязательное условие мирного решения конфликта и демократического развития, особенно в ослабленных государствах, и утверждает, что население следует вовлекать в деятельность по созданию по меньшей мере некоторых “островов” безопасности. Г. Бехлер рассматривает три подхода к трансформации конфликта и государственной реформе. Первый строится на стратегиях, стимулирующих участие населения в укреплении социальной и политической стабильности (демократизация, укрепление гражданского общества, подходы, ориентированные на диалог). Второй – включает все формы построения и реформы институтов, способных укрепить социальную ткань (федерализация, децентрализация, конституционная и правовая системы). Третий подход касается потребности в безопасности и предъявляемых к ней требований (права человека, безопасность граждан и отсутствие военной угрозы). По мнению автора, большинство исследователей единодушны в том, что демократия – это обязательное условие для построения стабильного мира. Споры вызывает вопрос о том, достаточно ли это условие и какие еще факторы должны иметь место, чтобы подготовить почву для создания конституции, которая защитила бы общество от насилия. Открытым остается и ряд теоретических вопросов: существует ли “демократический мир”? Если да, то какие факторы для него решающие? Каким образом можно создать и сохранить “культуру диспута” на переходном этапе и во времена быстрых перемен в обществе?

Вибке Хансен, Оливер Рамсботам и Том Вудхаус освещают значение операций по поддержанию мира для контролирования насилия и расширения возможностей

построения мира. Авторы утверждают, что они смогут послужить важным инструментом миротворчества в том случае, если будут адекватно реформированы. Понятие “поддержание мира” было переосмыслено вследствие изменений в условиях конфликта, и теперь на первом месте стоит укрепление правопорядка и усиление возможностей для построения мира. Новая доктрина ставит перед собой двойную задачу – сдерживание насилия и содействие согласию и восстановлению отношений сотрудничества. Эта цель может быть достигнута только в том случае, если существующие теоретические подходы будут интегрированы в практику поддержания мира. Кроме того, авторы рассматривают возможности применения в деятельности миротворцев знаний, полученных в ходе развития теории решения конфликтов, а также комментируют перспективы урегулирования вопросов, связанных с необходимостью поддержания мира в будущем.

Душан Релжич анализирует роль новостных СМИ в трансформации этнополитических конфликтов. СМИ нередко участвуют в формировании национальной идентичности. В этнически разделенных обществах освещение одних этнических групп в масс-медиа может спровоцировать чувство обделенности у других. Это усугубляет отрицательные эмоции и усложняет коммуникацию между этническими группами, что в конечном счете может привести к насилию. Автор знакомит читателя с предложениями, выдвинутыми исследователями проблем мира и журналистами, по освещению этнополитических конфликтов, направленными на то, чтобы оно было ориентировано на поддержание мира. Он утверждает, что на практике у журналистов нет возможности оказывать положительное влияние на исход конфликта, в основном потому, что эти СМИ зачастую представляют собой орудие властей. Тем не менее он предлагает базовую схему, призванную объяснить воздействие СМИ. В основе схемы – положение о том, что воздействие СМИ на сферу политической коммуникации во многом определяется экономико-политической ситуацией, а также умением и опытом журналистов и преобладающими в обществе политическими взглядами. В заключительной части статьи автор описывает деятельность НПО в данной области и выдвигает предложения по реформе информационных СМИ как в странах с крепкой демократической системой, так и в странах, находящихся на переходном этапе развития.

Кристин Бигдон и Бенедикт Корф исследуют роль помощи развитию в связи со структурными аспектами построения мира. В статье рассматриваются как теоретические положения, так и практический опыт применения подходов, направленных на расширение полномочий граждан с позиций их использования в трансформации конфликта. Авторы основываются на недавних дебатах на тему помощи развитию и рассматривают подходы, направленные на расширение полномочий граждан в контексте развития общины. Исследуя взаимосвязь между участием граждан в политике, расширением их полномочий и трансформацией конфликта, К. Бигдон и Б. Корф всесторонне анализируют подходы, ориентированные на участие граждан в управлении на уровне общины и влияние таких подходов на трансформацию конфликта на местном уровне. Авторы приходят к выводу, что диапазон действий агентств по развитию весьма ограничен, и что они сталкиваются с многочисленными дилеммами и неоднозначными ситуациями, которые могут помешать их успеху. Тем не менее процессы наделения властью (эмпваэрмент) могут способствовать трансформации конфликта, если они направлены на укрепление местных общин и на сокращение маргинализации в обществе.

В пятой части книги речь идет о трансформации конфликта как о задаче, включающей восстановление, реабилитацию и примирение в послевоенной обстановке и в пострадавших от войны обществах.

Мартина Фишер освещает проблемы восстановления, реабилитации и реинтеграции в обществах, пострадавших от войн. Понятие реконструкции в послевоенных ситуациях воспринимается неоднозначно: с точки зрения некоторых акторов, реконструкция полезна, другие же отвергают идею о том, что прежнее общество может и должно быть восстановлено. Автор утверждает, что (ре)интеграция беженцев и вынужденных переселенцев – это одна из важнейших задач трансформации конфликта, решение которой обязательно для достижения успеха. Поддержка и вмешательство внешних акторов в большинстве случаев сводятся к ремонту жилых домов и восстановлению инфраструктуры, тогда как не менее острая необходимость в восстановлении общины упускается из виду. Для того чтобы перейти от восстановления к конструктивной трансформации конфликта и построению мира, необходимы усилия, объединяющие подходы к развитию. Необходимы экономические перспективы и эмпауэрмент местных акторов, занимающихся проблемами гражданского общества, обучением миру и социальной работой. Залог успеха вмешательства третьих сторон – это четкая координация действий. Балканский конфликт, например, может послужить примером как положительного, так и отрицательного опыта.

Дэвид Беккер на примере собственной работы в Латинской Америке и на Балканах проводит анализ проблем психологического плана, возникающих у людей вследствие перенесенного насилия. Он описывает теории психической травмы и утверждает, что в каждой конкретной политико-культурной ситуации понятия травмы должны формулироваться заново. Фрагментация – центральное понятие в интрапсихической динамике травмы, и преодолеть ее можно только в рамках тесного общения пострадавшего с психотерапевтом. Это общение, в ходе которого признается и принимается произошедшее разрушение, помогает создать пространство, в котором возможна символизация. С точки зрения автора, мероприятия по исцелению психической травмы должны стать обязательной частью работы в кризисных регионах и вестись по трем направлениям: психологическому, педагогическому и экономическому.

Гуннар Тайссен освещает различные подходы к расследованию и урегулированию несправедливостей, которые предпринимаются по завершении вооруженного конфликта. Он рассматривает как возможности, так и ограниченность деятельности трибуналов, общественных судов и комитетов правды. Автор говорит также о том, каким образом амнистия, репарация и инициативы простых людей по примирению могут помочь трансформации конфликта. Для практиков, указывается в статье, важно понимание того, что отношения властей меняются и что в подорванных войной обществах возможности для их деятельности ограничены. Вмешательство третьих сторон должно стимулировать местных акторов к формированию собственных подходов к примирению с прошлым. Так, энтузиазм по поводу создания международной системы уголовного права не должен заслонять собой местные инициативы и институты. Борьба с допущенными в прошлом несправедливостями – процесс длительный, поэтому степень взаимопонимания, которого могут достичь люди одного поколения, весьма ограничена. Примирение можно представить себе как послевоенную реабилитацию, однако навязать его бывшим врагам невозможно. Жертвы конфликта зачастую имеют достаточно причин, чтобы не желать примирения, особенно если жестокие преступления прошлого не были расследованы, а допущенные несправедливости – не урегулированы.

Кевин Клементс подробно анализирует проблемы взаимосвязи теории, исследований и практики и предлагает стратегии внедрения этих подходов в соответствующие сферы социальных изменений. В качестве примера автор рассмат-

ривает последствия вмешательств в Африке, на Кавказе и в Азии. Он утверждает, что при анализе конфликтов и при разработке стратегий вмешательства не были адекватно учтены структурные, в частности, политические и экономические причины конфликта. В результате многие вмешательства второго уровня были ориентированы скорее на изменения во взглядах и поведении людей, чем на структурные и ситуационные изменения. Построение в обществе стабильных мирных отношений будет затруднено до тех пор, пока данная ситуация не изменится на противоположную и не будет уделяться достаточного внимания трансформации институтов и процессов.

Авторы первого издания “Настольной книги” посвятили свои работы ряду основополагающих тем, круг которых был первоначально очерчен редакторами. Тем не менее в сборнике рассматривается широкий спектр проблем, многие из которых заслуживают более детального рассмотрения в дальнейшем. Из их числа можно выделить следующие.

- В дебатах о конфликтах одним из первых встал вопрос о том, насколько “западные” подходы к трансформации конфликта применимы в “незападной” среде. Споры по этому вопросу все еще продолжаются, но при этом подходы уже стали гораздо более дифференцированными по сравнению с изначальными. Не вызывает сомнения, что появление затяжных социальных конфликтов непосредственно связано с глобализацией западной концепции государственности, при реформировании которой необходимо учитывать ее культурный генезис. Выяснилось также, что применение традиционных способов решения конфликта может существенно повысить шансы эффективной трансформации. Тем не менее остается открытым вопрос, как при построении мира найти баланс между уважением к культурным традициям и другими ценностями, например, между социальным и гендерным равенством.
- Еще недостаточно глубоко осмыслено и изучено значение гендерных ролей в трансформации конфликта и пути достижения гендерного равенства. Как заметила Д. Фрэнсис в своей статье, гендерный аспект тесно связан с культурным многообразием и дисбалансом власти. Один из основных вопросов в этой области – вопрос о том, как можно практически построить гендерное равенство в социально разделенных и поляризованных обществах, в которых за мужчиной более или менее прочно закреплена монополия на принятие решений. Не менее важные задачи – сохранение за женщиной тех новых и активных ролей, которые приобретаются ею во время войн, когда она, как это ни трагично, остается единственным кормильцем и защитником семьи. Необходимо добиваться юридического и социального равноправия женщин, их полноправного участия в политической и социальной жизни, поскольку это отвечает идеям прав человека и целям развития. Однако повышение значения гендерного аспекта в построении мира не должно стать самоцелью, не следует фокусироваться исключительно на особом положении или роли женщины ни в качестве жертвы насилия, ни в качестве актора. Необходимо ставить вопрос об идентичности мужчины и женщины, о той роли, которую социальные нормы маскулинности и фемининности играют в вооруженном конфликте и о возможных путях их модификации, их действенности как символов в целях демонтажа культуры насилия. Организациям, участвующим в построении мира в постконфликтном обществе, труднее всего бывает усовершенствовать инструментарий оценки влияния гендерных отношений и выявить признаки усиления милитаризованной маскулинности. Первейшая задача в этой проблеме – выработка методологии для создания проектов по изменению данных моделей.

- Работы П. Коллиера, Д. Малона и др., положившие начало дебатам по поводу “алчности и недовольства”, поставили под сомнение традиционное понимание “затяжного социального конфликта”. Названные авторы подчеркивают, что за политическим насилием стоят экономические мотивы. Причиной многих конфликтов, с их точки зрения, послужило не недовольство маргинальных групп, выражаемое более или менее в рамках закона, а экономический расчет разобщенных элит. Данные дискуссии вывели на первый план *политическую экономию гражданских войн* и заставили всерьез задуматься о связи между экономическими факторами и эскалацией и деэскалацией внутренних конфликтов.
- Еще одним недавним достижением можно считать возродившийся интерес к *проблеме безопасности* во внутрисоюзных конфликтах. В свое время анализ военной помощи и сотрудничества, передачи оружия, военных и полицейских режимов считался второстепенным по сравнению с проблемами трансформации конфликта и построения мира. В настоящее время акценты изменились. Растут единодушие и уверенность в том, что меры по наращиванию доверия и безопасности, реформа сектора безопасности и другие подобные действия представляют собой неотъемлемую часть успешной трансформации конфликта.
- Одна из сфер, в которой необходимость разрешать и трансформировать конфликты обсуждается уже давно и активно, – это область прав человека, т.к. грубые нарушения этих прав чаще всего происходят во время вооруженных конфликтов. Тем не менее между действиями, направленными на трансформацию конфликта, и мерами по защите прав человека существуют четкие различия, и поддержка одного из этих направлений не ведет автоматически к поддержке другого, по крайней мере, в ближайшей перспективе. Эта дихотомия имеет отношение к двум разным подходам, применяемым в некоторых конфликтных регионах к “асимметричной” трансформации конфликта. Первый – это “кондициональный” подход, с точки зрения которого та сторона конфликта, чей юридический статус слабее, должна “заслужить” право участия в переговорах на равных. Второй – “трансформативный” подход, при котором подчеркивается, что для усиления заинтересованности и ответственности участников и повышения эффективности вмешательства необходимо, чтобы у сторон был одинаковый статус, чтобы они пользовались признанием и проявляли конструктивную вовлеченность в процесс трансформации.
- Архитектура и динамика *мирного процесса* представляют предмет исследований, общий для сфер трансформации конфликта и международных отношений. Эта тема становится все более привлекательной по мере продвижения процесса установления мира – начиная с первого предложения перемирия и заканчивая подписанием долгосрочного мирного договора. Большинство мирных процессов, цель которых – разрешить затяжные социальные конфликты, растягиваются на долгие годы, они сопряжены с многочисленными трудностями и часто бывают осложнены периодами реэскалации. Все это приводит к созданию так называемых дорожных карт и других моделей мирных процессов, построенных по принципу “многоступенчатых”, “многозадачных” и “многонаправленных” подходов.

В заключение отметим, что трансформацию конфликта нельзя рассматривать обособленно от современных тенденций развития глобального порядка и дискуссий в этой области. Наиболее значительной вехой, безусловно, стало 11 сентября 2001 г., после которого правительство США под руководством пре-

зидента Джорджа Буша-младшего направило свои усилия на установление нового мирового порядка и поставило под сомнение основы идеологии многополярности мира и мирного разрешения споров. Как это отразится в дальнейшем на идее и практике трансформации конфликтов? Войдут ли подходы, понятия, методы и практики трансформации конфликта составной частью в зарождающуюся гегемонистскую революцию, или же они смогут способствовать поддержанию достижений второй половины XX в. в деле превращения конфликтов в более цивилизованный феномен?

Эти и другие проблемы станут центральными темами будущих изданий “Настольной книги” по трансформации конфликта. Порядок публикации останется прежним: вначале статьи будут представлены в Интернете и только потом изданы в серии *Berghof Handbook Dialogue Series*. Мы надеемся, что интерес публики не угаснет, и приглашаем коллег и читателей высказать свое мнение о книге и/или участвовать в наших будущих дискуссиях.